

18+ СЛЕДЫ
НА МОРСКОМ
БЕРЕГУ

автобиографическая повесть

АНДРЕЙ МАТВЕЕНКО

Андрей Матвеевко

**Следы на морском берегу.
Автобиографическая повесть**

«Издательские решения»

Матвеевко А.

Следы на морском берегу. Автобиографическая повесть /
А. Матвеевко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-552875-9

Куда уходит детство? В какие города?.. Как эти строчки созвучны детско-юношескому периоду моей жизни. Горести и удачи, ошибки, совершенные мною на первом этапе жизненного пути, может быть, послужат кому-то уроком. Помогут избежать тех острых углов, на которые я наткнулся, тех колдобин, о которые частенько спотыкался, тех ситуаций, из которых, казалось бы, нет выхода... Мои попытки найти свое место в жизни, понять: кто я и зачем появился в этом мире, еще не закончены, — они только начинаются.

ISBN 978-5-00-552875-9

© Матвеевко А.
© Издательские решения

Содержание

Следы на морском берегу. Автобиографическая повесть	6
Глава 1. Прощание с Ильпырем	7
Куда уходит детство?..	7
Прощание с Ильпырём	9
Глава 2. На новом месте	11
Наши пожитки	12
Двор	14
Новые товарищи	15
День рождения	16
Новая школа	18
«Знамя»	20
Тайное всегда становится явным	22
Глава 3. «Блокада»	23
Камчатская зима	23
Снежная «рулетка»	24
«Блокада»	26
Глава 4. Как стать человеком	28
Как стать человеком	28
Бетховен	29
Бананы	31
Занятия	32
Бутылки	33
Глава 5. Детство	35
Начало	35
Никому не нужный	36
Первые шаги	38
Письмо	39
Ночные страхи	41
Наутро	43
Завтрак	44
Па – Па	45
Подарки	46
Цирк	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Следы на морском берегу

Автобиографическая повесть

Андрей Матвеевко

© Андрей Матвеевко, 2021

ISBN 978-5-0055-2875-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Следы на морском берегу. Автобиографическая повесть

Куда уходит детство? В какие города?.. Как эти строчки созвучны детско-юношескому периоду моей жизни – от рождения и до самостоятельных шагов. Горести и удачи, ошибки, совершенные мною на первом этапе жизненного пути, может быть, послужат кому-нибудь из подрастающего поколения уроком. Помогут избежать тех острых углов, на которые я натыкался, тех колдобин, о которые частенько спотыкался, тех ситуаций, из которых, казалось бы, нет выхода... Мои попытки найти свое место в жизни, понять: кто я и зачем появился в этом мире, еще не закончены, – они только начинаются. Но об этом речь пойдет уже в другом произведении. А пока окунемся в мир моих детских иллюзий и реалий.

Глава 1. Прощание с Ильпырем

Куда уходит детство?..

Ранним дождливым июльским утром мы с отцом навсегда покидали посёлок Ильпырский. Помню: едва забрезжил серый рассвет, являя небу узкую полоску света, как мы уже стояли на пирсе, среди кучки продрогших и взъерошенных, словно воробьи, отъезжающих и провожающих людей. Моросил холодный, совсем не летний. дождь, и в темноте, которая никак не хотела рассеиваться, с трудом различались очертания человеческих фигур.

Стояли час, другой. Время тянулось невыносимо медленно. Всмотриваясь в хмурые лица собравшихся, я попытался хоть на одном из них заметить следы улыбки, но тщетно: все озабочены, погружены в свои проблемы. В воздухе витала напряженная сосредоточенность.

Рассвело. Мрачный, унылый пейзаж дополнили, гармонично вписавшись, сиротливо прижавшиеся к пирсу МРСки. Их облупленные, поржавевшие борта привнесли ещё большую тоску и отчаяние.

Куда мы уезжаем? Зачем? Почему покидаем обжитый нами уголок?

В маленьком камчатском поселке всё было здорово: местные жители, словно родные нам; замечательные учителя; класс очень дружный и преданные друзья...

А что меня ждёт в городе: другая школа, иные порядки, учителя, новых товарищей придётся заводить..., да и вообще начинать всё, как говорится, с нуля. С одной стороны, увлекательно и интересно, а с другой – боязно шагнуть в неизвестность и к тому же жалко терять хороших, бескорыстных людей.

Из-за дымчатой пелены тумана появился долгожданный катер, тащивший за собой большую баржу. Люди на пристани сразу же оживились, распрямили поникшие плечи и их унылые лица осветились, наконец-то, так долго прятавшимися улыбками. Отец крепко взял меня за руку и потащил к краю причала.

– Сядем первыми. Смотри – не отставай, – бросил он на ходу. Его старый коричневый плащ взметнулся вверх, больно хлестнув меня по носу металлической пряжкой. Я выдернул руку из толстой ладони отца и схватился за лицо.

– Что случилось? – отец присел на корточки, всматриваясь в мой припухший нос.

– Ничего, – соврал я. – Всё в порядке.

– Ну раз ничего – давай на посадку, – он легонько подтолкнул меня. Взгляд мой упал на его стоптанные старые туфли. С ними он ни за что не хотел расставаться и говорил, что купил их в Чехословакии, когда ходил по загранкам.

«Мог бы что-нибудь и понаряднее одеть, – подумал я. – Всё-таки в город переезжаем».

Катер пришвартовался, и к стене пирса вплотную подошла старенькая баржа. На пристань кинули сходни; отъезжающие стали торопливо подниматься на борт «старушки». Нагрузившись, большая ржавая посуда, жалобно поскрипывая, тяжело отчалила вслед за катером, натуженно потащившим её в необозримые морские просторы.

Мы с отцом стояли на борту баржи, и я с ноющей болью в сердце и затаённой грустью всматривался в родные места, знакомые до самой узенькой тропинки, маленького кустика, камушка.

Унылая картина, проплывающая перед моими глазами, полными слёз, затуманивающими взор вместе с опустившейся пеленой, нагоняла смертную тоску. Тёмные, с зеленоватым налётом, осклизлые брёвна пирса покорно отступали в сторону. Мрачное серое здание рыбозавода, с укором уставившись пустыми чёрными глазницами окон, отдаваясь, на прощание смягчило,

наконец-то, свой строгий взгляд. Пара катерков и МРСы, сиротливо стоявшие на якорях, с тоской и надеждой посматривающие вдаль, нерешительно покачивались на месте.

Мы отходили всё дальше и дальше. Очертания уходящего берега – узкой песчаной полосы, на которой находился наш дом, с двух сторон омываемой океаном, расплывались, искажаясь до неузнаваемости.

И вскоре уже невозможно было что-либо различить на покинутом нами берегу. Лишь серая бугристая полоска виднелась вдали, да и та быстро растворилась в белёсовом тумане. Берег моего безвозвратно ушедшего детства исчез навсегда...

Прощание с Ильпырём

Дождь усиливался. Косыми тугими холодными струями весело барабанил он по железной палубе. Мерзко и неудобно. Я весь дрожал от промозглой сырости и пронизывающего ветра. Заметив, наконец, моё состояние, отец, опомнившись, предложил:

– Пойдём вниз, там теплее.

Вниз почему-то не хотелось. Но я всё же послушно спустился вслед за отцом в темноту трюма, пахнущую привычно для меня сыростью и рыбой. При тусклом свете керосиновой лампы на деревянных, прикрепленных к бортам, скамьях сидели люди. С трудом мы нашли свободные места. Отец распахнул плащ и обнял меня, укрыв широкой полой. Очки мои запотели. Толку с них не было никакого и пришлось положить их в карман.

– Ну что, согрелся? – спросил отец после непродолжительного молчания.

– Вроде бы да, – неуверенно произнёс я, высвобождаясь из плаща. Достал очки с перевязанной изолентой дужкой и протёр стекла носовым платком. С очками как-то стало надёжней.

В помещении стояла тишина, нарушаемая лишь морской симфонией, сотканной из шума дождя, завывания ветра и ударов волн о борта. Люди молчали. На лицах у всех – маска разочарования и недоумения. Они будто не знали: куда и зачем едут-плывут?

Мы с отцом тоже не разговаривали. Он сидел, сгорбившись, словно столетний старик, и о чём-то напряжённо думал. И только сейчас я заметил, как же отец постарел. Жёлтое от тусклого света круглое лицо его было похоже на морщинистое печёное яблоко. Лишь глаза по-прежнему горели молодым задором, словно жили своей отдельной жизнью. Вода настойчиво билась о старенькие борта, и казалось, что ещё немного – и мощный поток её хлынет внутрь и проглотит всех сидящих. Мне стало не по себе от этих мрачных мыслей. Сразу же захотелось вернуться побыстрее наверх, на свежий воздух.

Только я приподнялся, как сверху раздался крик вахтенного матроса:

– Пассажиры! На палубу! Подходим к «Николаевску».

«Николаевск» – большой, красивый теплоход, который должен отвезти нас в Петропавловск-Камчатский. Даже хмурый дождливый однообразный морской пейзаж оживился и посветлел от одного присутствия рядом с собой такого красавца.

«Мы поплывём на этом сказочном теплоходе», – восторженно подумал я и с нескрываемым любопытством стал рассматривать необыкновенную машину. До этого момента мне не приходилось так близко видеть такое чудо техники.

К нам спустили белоснежный трап. Он никак не гармонировал с грязновато-ржавой баржой, и мне не терпелось перебраться на теплоход.

Я поспешил к трапу, но вдруг на пути у меня возникла коренастая фигура матроса Сергея, эвена по национальности. Мы с ним частенько ловили рыбу и можно сказать, что были друзьями.

– Андрейка, уезжаешь, однако? – с грустью в голосе спросил он, широко, по-детски улыбаясь.

– Уезжаю, – торопливо буркнул я. Мне хотелось как можно быстрее попасть на теплоход, а тут ещё этот мешается.

– Ты это, пиши, однако, – попросил он с тоской в голосе и нехотя отошёл в сторону, заметив мою недовольную гримасу.

Я побежал вслед за отцом и, лишь поднявшись на сверкающую палубу, оглянулся. Сергей стоял на том же месте в небрежно накинутом на плечи потёртом военном дождевике. Махая мне рукой, он что-то возбуждённо кричал. Я энергично замахал ему в ответ. До тех пор, пока не почувствовал, как отец тянет меня за рукав: надо было идти искать нашу каюту.

Мы расположились в красивой четырёхместной каюте. Я занял койку наверху. Ведь это же так здорово – спать на верхнем ярусе! Достал книжку и уже собрался было приступить к чтению, как раздался голос отца:

– Пойдём, Андрюша, на палубу, попрощаемся с Ильпырём. – Я не хотел больше прощаться с Ильпырем – на душе и так было муторно и тяжело, но все же покорно поплелся следом.

На палубу уже высыпали все пассажиры. Стоял невообразимый шум, гам, и даже дождь нисколько не мешал собравшимся. Я протиснулся к самому борту и увидел внизу отходящую от нас маленькую баржу. Стоял и с грустью смотрел, как неуклюже медленно, как бы нехотя, она разворачивалась вслед за катерком. Заметил одинокую фигуру Сергея: ветер трепал его непослушные, давно не стриженные волосы. Матрос по-прежнему находился на борту, пристально вглядываясь в удаляющийся от него теплоход.

У меня почему-то начало першить в горле. Я почувствовал, что вот-вот заплачу. Сам не понимая, что со мной происходит, отвернулся, уткнувшись лицом в мокрый плащ отца. Он погладил меня по голове и тихо проговорил:

– Не плачь, Андрей. И мне жаль это замечательное место: ведь мы, наверное, никогда больше не вернёмся сюда. Но всё же плакать не надо – впереди у тебя столько всего нового...

Глава 2. На новом месте

Петропавловск – Камчатский

Город оглушил непривычными шумом, запахами, суетой, сутолокой. Толпы народа сновали туда-сюда, при этом ходили совсем не так, как у нас в поселке – спокойно и размеренно. Здесь все куда-то торопились. Бежали в разные стороны и люди и автомобили; того и гляди собьют – не зевай по сторонам.

На первый взгляд город мне очень понравился. А со знакомством с достопримечательностями Петропавловска пришлось подождать. Нужно было безвылазно сидеть в квартире и ждать звонка из порта с сообщением: прибыл ли из Ильпыря контейнер с нашими вещами. Отец же бегал по каким-то организациям, что-то узнавал, с кем-то договаривался.

Наша новая квартира, однокомнатная, располагалась на пятом этаже. Никогда не мог себе даже подумать, что будем жить с отцом так высоко. Первые дни спали на полу на матрасах, купленных в магазине уценённых товаров. Два тюфяка и четыре дорожных сумки – вот и весь наш нехитрый скарб. Больше у нас пока ничего не было. Стол соорудили тоже на полу, из куска фанеры.

Утром пошли с отцом на местный рынок. Продавали свежую редиску. С ума сойти! Купили два пучка и ещё зелёного лука, пакет сметаны да полбулки чёрного хлеба. Отец сделал салат. Обалдеть! Ничего вкуснее в жизни до сих пор я не едал.

Дня через три, наконец-то, пришёл наш контейнер. Мы тотчас помчались в порт: так уже надоело жить без мебели.

Город весь в зелени. Множество деревьев, но машин по улицам мчалось ещё больше. Всё для меня настолько ново, удивительно, что, открыв рот, я то и дело замирал от восторга, и отцу приходилось постоянно меня подталкивать.

Прибыли в порт: сотни и сотни различных судов, шум, гам, крики грузчиков, гул механизмов, гудки пароходов, сигналы автомобилей. Все эти звуки смешались в чудовищную какофонию, и мне стало не по себе. Я совершенно растерялся и страшно боялся потерять в этой толпе отца. Порывисто схватил его за руку и бежал за ним вприпрыжку, стараясь не отставать, по пыльному выщербленному асфальту в пароходную грузовую контору.

Навстречу нам, скатываясь со ступенек, словно колобок, выкатился маленький толстенький человечек. Доброжелательно пожал отцу руку:

– Контейнер только что отправили к вам. Будет через полчаса, – затараторил толстячок. – Не волнуйтесь, мне Полянин звонил. Всё в порядке. – Мы поехали обратно домой. Я горд, что моего отца и тут уже все знают.

Наши пожитки

Приехали мы как раз вовремя. Во дворе уже стояла грузовая машина с контейнером в кузове, а возле неё околачивались три небритых типа. Увидев нас, один из них, видимо, старший, тут же подошёл вразвалочку.

– Это вам контейнер? – прохрипел он прокуренным голосом.

– Нам, нам, – весело закричал отец. – Давайте выгружать.

Мужик постоял, почесал затылок и, смачно сплюнув в придорожную пыль, процедил сквозь зубы:

– Двадцать пять всем... и по пятерке каждому. Так положено, – зло добавил он после секундного замешательства.

– Хорошо, – согласно кивнул отец. – Но мне обещали в порту...

– То в порту, а то здесь: не хочешь – разгрузай сам, – перебил мужик, рассердившись, и сразу же набылчился.

– Ладно, ладно. Согласен, – испугался отец, обреченно махнув рукой. – Только давайте быстрее.

Контейнер открыли прямо в кузове, и... работа закипела. Первым вытащили наш старый, облупленный платяной шкаф. Потом ободранные стулья, облезлое большое зеркало и старенький холодильник «Бирюса». Мужики потащили всё это на наш пятый этаж.

– Твою мать, и зачем они везли сюда это дерьмо, – зло выругался один из них. – В уценёнке за гроши можно купить почти новую мебель, а этот в плаще, видимо, жмот, привёз всякий хлам и рад. – Мне сделалось очень обидно за отца. Я совсем не считал нашу мебель такой уж плохой. Ну да, старенькая, но ведь еще довольно крепкая. Так зачем же её выбрасывать?

Конечно, мы жили бедновато, хотя отец получал хорошие деньги. Но все свои доходы он откладывал на сберкнижку, а мы перебивались с ним лишь на какую-то небольшую часть. У нас никогда не было ковров, красивой мебели, телевизора, и я с детства привык довольствоваться малым, хотя и страдал от такого положения вещей. Мне становилось очень обидно и больно на душе, когда, придя к кому-нибудь из ребят в гости, я видел: у моих сверстников есть много того, чего не было у меня. Таких вещей, которые мне даже и не снились, но самое главное, конечно, – это то, что у них были мамы.

Ночью, после посещения товарищей, я долго не мог успокоиться: тихо плакал, вжимаясь мокрым лицом в подушку. Вспоминал нежные ласковые руки, гладящие меня по голове, и приятный голос. Собрательный женский образ, сотканный из разрозненных впечатлений от общения с матерями друзей. Всем своим существом я страстно желал иметь свою маму, чтобы, провозжая в школу, она целовала бы меня, а вечером, сидя рядом, помогала делать уроки.

Но, увы, ничего не менялось. Опять наступало утро, и отец, как всегда грубовато, по-мужски, трепал меня за плечо, чтобы я вставал в школу.

Сейчас, стоя во дворе среди старых вещей, я припомнил вдруг все обиды, горести и неустроенность нашего быта и горько заплакал. Ничего не мог с собой поделаться: слёзы лились из глаз сами по себе.

Из подъезда вышел отец. Увидев меня плачущим, зло заорал:

– Что ты сопли распустил?! Ноешь тут, слюняй! Помогай давай, а то сейчас как врежу – сразу забудешь своё нытье.

Прекрасно зная вспыльчивый характер отца, я быстро схватил первую попавшуюся под руки коробку и, согнувшись пополам, с трудом потащил её наверх. Отец и вправду мог меня со злости ударить. А уж силу его кулаков я знал прекрасно! Коробка оказалась очень тяжелой

для моих двенадцати лет. Но страх перед отцом был сильнее, – и, останавливаясь на каждой площадке, я упрямо тащил её наверх.

До позднего вечера разбирали мы наши нехитрые пожитки, но я нисколько не устал. Наоборот, мне очень приятно было ощущать вокруг себя, ласкать взглядом и нежно прикасаться пальцами к родным вещам, впитывая частички оставленного в поселке детства.

Двор

Утром, едва рассвело, проснувшись и наскоро перекусив, я взялся за своё любимое занятие – чтение.

Книг у нас было огромное множество и на разные темы. Отец очень любил их и покупал, собирал, где только мог. Бывало, даже подбирал прямо на улице какую-нибудь растрёпанную книжку и дома, нежно разглаживая её помятые страницы, долго, любовно вертел в руках. В такие моменты мне казалось, что книги он любит гораздо больше, чем меня. Да, наверное, так оно и было на самом деле.

Отец, заметив, что я уселся читать, сказал:

– Шёл бы погулять, сынок. Смотри: какая погода прекрасная! – Я оделся и осторожно касаясь серых, ещё пахнувших краской, перил лестницы, спустился вниз.

Во дворе – тишина. Только издалека доносились автомобильные гудки. Я присел на недавно выкрашенную лавочку, заняв удобный наблюдательный пункт, и от скуки стал глазеть по сторонам.

Постепенно в окружающее меня молчаливо-пустое пространство начали внедряться звуки и предметы. Вот на трёхколесном велосипеде проехал малыш. Стуча каблучками, прошествовала молодая женщина, по-видимому, мать ребёнка. Вразвалочку прошагал, грохоча тяжёлыми сапожищами, портовый рабочий. Спустя некоторое время во двор въехал грузовик, потом ещё один...

И вот уже тихий дворик заполнился звуками различной громкости, тональности, высоты, разнокалиберными машинами и людьми. То там, то тут ненавязчиво лилась тихая беседа; слышалось перешептывание старушек-сплетниц, с упоением пересказывающих друг другу последние местные новости. То и дело раздавались восторженные возгласы, крики – семейные либо приятельские разборки, смех – то по-детски непосредственный, переходящий в юношеский задорно-заливистый, неожиданно прерываемый сдержанным весельем взрослых и недовольным побряхтыванием и ворчанием стариков. Всё это всколыхнуло, нарушило дремотно-сонное состояние двора.

Я особо не реагировал на произошедшие вокруг меня перемены, с любопытством наблюдая, как трое мужиков – тех самых, уже знакомых мне, – таскали мебель в третий подъезд, потом в первый и в наш. Шкафы, кровати, диваны, тумбочки, столы, стулья, ковры, дорожки, зеркала – все перетаскиваемые предметы казались мне шикарными по сравнению с нашей старенькой мебелью. Я был поражён: как же люди хорошо живут!

Новые товарищи

Мебель перетаскана, машины уехали. Ничего интересного больше не происходило, и время потянулось медленней. Заскучав, я собрался было уже вставать и идти домой, как вдруг ко мне подошли двое ребят примерно моего возраста.

– Привет, – сказал один из них – маленький, худой, нескладный подросток со смешным скуластым лицом и головой, украшенной шапкой из спутанных светло-русых кудрей. Прикид его выглядел также нелепо: старая школьная форма – коротковатые брюки, протёртые на коленках, и куртка с отпоротыми рукавами.

– Ты чё, новенький? Здесь живешь? – ломающимся, с хрипотцой голосом спросил он, и глаза его, словно чертенята, лукаво блеснули.

– Да, мы только неделю назад приехали, – промямлил я, испугавшись чего-то, и нервно поправил очки, постоянно сползающие с носа.

– А чего не выходил на улицу? Боялся. чё ли? – вступил в разговор второй – высокий, упитанный крепыш с жёстким, тёмным ёжиком волос на голове.

Одет он был куда лучше первого. Почти новый костюм «Адидас», гармонично дополненный белыми, ещё не запачканными кроссовками выдавали в нём мальчика из обеспеченной семьи.

– Нет, не боялся – просто помогал отцу по дому, – тихо проговорил я, подтягивая кверху и без того короткие, замызганные серые штаны

Худой вдруг зашёлся резким, дребезжащим неприятным смехом:

– Гха, га, гха-гха... Помогал по дому, а чё мать-то делала? Спала?! – неожиданно оборвав смех, спросил он.

От таких обидных для меня, росшего без матери, слов по спине прошли мурашки. Я напрягся и, едва сдерживая гнев и злость, как можно спокойнее ответил:

– Нет у нас матери. Она умерла. Вдвоём мы с отцом, – и в конце последней фразы всё же не сдержался: две крупные слезинки вырвались из моих глаз и предательски демонстративно покатались по щекам.

– Чё ты нюни распустил? Сопляк! – пристал опять худой. – Ещё пожалуйся!

– Заткнись, Сен, – проговорил «ёжик», – а то в ухо схлопочешь.

– Слышь-ка, – обратился он ко мне, – меня Боряном зовут, а этот – Сен, Саня. Ты, брат, не обижайся: у него отца нет. Нет, он не умер, просто бросил, ушёл. Ты, это смотри: кто обижать будет – подходи. Мы тут всегда рядом, вон в соседнем доме живём.

– Ладно, мир. Не сердись, старик, – примирительно сказал Сен и, словно опомнившись, поинтересовался: – Тебя как кличут?

– Андреем, – почти беззвучно ответил я.

– Не бойсь, Андрюха, с нами не пропадёшь, – бойко прозвучал мне в ответ Санькин голос.

...И они ушли в сторону своего дома, а я ещё некоторое время продолжал неподвижно сидеть на лавочке, переваривая в мыслях своё первое знакомство с местными пацанами.

День рождения

Сегодня, двадцать восьмого августа мне исполнилось тринадцать лет. Отец подписал открытку с поздравлением, и, как всегда, утром под подушкой я обнаружил плитку шоколада.

Так было всегда. Одно и то же.

Я даже и помыслить себе не мог о том, чтобы что-то могло измениться в мой день рождения. Другим ребятам родители устраивали настоящие праздники в кругу друзей: сладкие столы, игры, конкурсы, музыка, танцы...

Мне же не разрешалось никого к себе приглашать.

Мы с отцом вдвоём пили чай, потом была партия в шахматы. И всё... – мы расходились по разным углам комнаты и каждый занимался своим делом.

Нет, – не стану лукавить и обманывать читателей, – один раз всё же у меня был не совсем настоящий день рождения, но что-то похожее на праздник, по крайней мере, так он начинался...

Это произошло ещё в поселке. Мне тогда исполнилось семь лет. Проснувшись утром, сквозь щёлочки ещё не полностью открытых глаз я с удивлением заметил, что отец наводит порядок в нашей единственной комнате. Это было очень странно, так как раньше он делал уборку очень редко. Заметив, что я уже проснулся, отец возбужденно потряс меня за плечо.

– Андрюша, вставай скорей! Сегодня мы устроим тебе праздник, – радостно воскликнул он и добавил прерывающимся от волнения голосом, что на него было совершенно не похоже: – Можешь приглашать гостей. И, вообще, в этот день проси чего хочешь.

А хотелось мне многого.

– Машинку на радиоуправлении, – прокричал я, долго не раздумывая: боялся, что отец может передумать.

– Хорошо, – великодушно согласился он. – Будет тебе машинка. – Счастливый, как никогда, я побежал на улицу приглашать ребят из нашего колхоза.

В два часа пришли гости – тройка моих закадычных друзей. Они принесли мне в подарок большую книгу – детскую энциклопедию. Я был на седьмом небе от счастья. Отец накрыл в комнате стол. Середину его украшал торт, купленный в поселковом магазине. Сладкое праздничное угощение дополняли печенье и конфеты карамель. Дети чинно уселись за стол, и я, гордый как никогда, стал разливать всем чай. Покушали быстро, и всем захотелось посмотреть мою комнату. Ввиду отсутствия личных апартаментов пришлось отвезти ребят в нашу общую универсальную комнату. Дети с любопытством стали рассматривать и брать в руки разные заморские безделушки, привезённые отцом из заграничных стран. Он, видя, что трогают его вещи, рассердился.

– Ничего не надо трогать, – раздался строгий голос его, не предвещающий ничего хорошего. – И в этот момент у одного из мальчиков выпал из рук любимый фонарик отца, и, как назло, по закону подлости, разбился вдребезги. Отец вмиг рассвирепел и стал бешеным.

– Вон отсюда! – заорал он неожиданно так громко, что дети вначале растерялись и притихли, замерли, будто маленькие зайчата, спрятавшиеся под еловыми лапами. Затем, пятясь и наткаясь на разные предметы, гурьбой бросились из комнаты. И вмиг упорхнули из квартиры, словно застигнутые врасплох воробы-воришки.

– Если вы – дебилы, то нечего приходить в гости в нормальный дом и тем более трогать и разбивать вещи хозяев, – не унимался отец, распаяясь сильнее и сильнее. – Вон отсюда и чтобы больше ноги вашей здесь никогда не было!

Перепуганные дети уже неслись по улице, а вслед им всё несло: «Вон отсюда! Прочь из моего дома!..» Гости задали такого стрекача, что только пыль из-под ног клубами вилась.

– А ты куда смотрел, остолоп безмозглый? – накинулся отец на меня, заметив в углу комнаты маленькую съезжившуюся детскую фигурку. Найдя новый объект для вымещения злобы, он сильными пальцами вцепился, словно клещами, в моё худенькое плечо и потащил меня на кровать, другой рукой успевая по дороге наподдавать тумаков.

– Какого чёрта они схватили мой фонарик? – кричал отец, никак не успокаиваясь. – И вдруг – как гром среди ясного неба – прозвучал для меня его окончательный приговор:

– О машинке можешь забыть раз и навсегда! Сам виноват, что нашёл себе таких безруких невоспитанных друзей.

Потерянный и избитый, я валялся на кровати, и слёзы самопроизвольно лились из опухших и покрасневших глаз. В первый раз я ощутил в полной мере, что отец никого не любит. Никого, кроме самого себя. И от полного осознания этой мысли мне сделалось ещё горше и обиднее: я зарыдал во весь голос...

Новая школа

Первого сентября я пошёл в школу, в седьмой класс. Как раз в это время произошла школьная реформа и стали учиться одиннадцать лет.

Отец с утра принарядился: надел свой самый лучший костюм из пятнадцати, имеющихся у него и без толку пылящихся в шкафу, и отправился со мной на школьную линейку. По дороге мы зашли на местный рынок прикупить букетик цветов. Купили – легко сказано. В поисках «самого лучшего» букета мы прошатались минут двадцать. И, в итоге, отец, разозлившись непонятно на что, купил самый дешёвый, самый неказистый и смешной букетик, бросив при этом фразу:

– Нечего этих учителей баловать, сойдет и такой.

С этими словами он вручил мне что-то невообразимое – какой-то цветочный веник: желтые полуосыпавшиеся цветы с торчащими во все стороны зелёными перьями листьев. И всё это чудо было небрежно завернуто в кусок полиэтилена. Несмотря ни на что я обрадовался и такому букету. Ведь раньше отец никогда не покупал мне цветы, – и я был несказанно рад, что на этот раз, как все, несусь в школу букет.

Свой класс я нашёл сразу: по табличке, которую держала в руках высокая красивая черноволосая женщина. Оказалось, что это мой классный руководитель, Светлана Николаевна. Она молча взяла цветы и, мило улыбаясь, подвела меня к одной из групп учеников, стоящих неподалёку.

– Вот ребята познакомьтесь – Матвеевко Андрей, – представила она меня. – Он будет учиться в нашем классе. – Засмутившись от пристального взгляда подростков, я нервно поправил очки, чем неожиданно вызвал смех у моих одноклассников.

– Отличник? – резко подскочив ко мне, выкрикнул маленький чернявый мальчишка и, не дождав ответа, проговорил заискивающе: – Будешь давать списывать?

– Жуков, тебе бы только списывать! Самому учиться надо! – укоризненно-строго произнесла Светлана Николаевна, вмешавшись в наш разговор.

– Андрей, а какой предмет тебе больше всего нравится? – с неподдельным любопытством спросила учительница.

– История, – еле слышно прошептал я. – И география тоже, – опомнившись, добавил я уже смелее.

– География тоже, – передразнил меня всё тот же неугомонный мальчуган. – Так это же, Глобус! – радостно прокричал он, расплываясь в широкой улыбке от удовольствия и сознания собственной находчивости.

– Точно, Глобус! Глобус! – моментально подхватили со всех сторон мои одноклассники, окружившие нас плотной стеной. (Прозвище оказалось удачным и приклеилось ко мне надолго.) – Я стоял, растерявшись, не зная, как реагировать на такие неординарные выходки ребят.

– Ничего не бойся, Андрюша, – раздался удивительно мягкий, по-матерински нежный голос учительницы, в нужный момент разрядив накалившуюся обстановку. – Вот начнём учиться – и ты им покажешь, какой ты «глобус»! – и, поглядев на меня с усмешкой, сама вдруг рассмеялась звонким задорным молодым смехом...

После торжественной линейки, как обычно в школах – скучной и надоедливой, отец по дороге домой купил пирожных.

Мы сидели с ним на новой кухне за нашим старым столом, пили чай с редким для меня лакомством и вели беседу: точнее, он спрашивал, а я отвечал.

– Ну что, – проговорил он, отхлёбывая из кружки очередной глоток чая, – как собираешься учиться?

- Не знаю, – тихо ответил я.– Наверное, хорошо.
 - Не хорошо, а отлично, – в строго-приказном порядке поправил отец и, закурив, добавил: – Понял?
 - Понял, – обреченно пробубнил я.
- И учёба началась...

«Знамя»

В первый же день я получил по истории пятерку, и тем самым ещё больше утвердился среди одноклассников в звании отличника. Да, наверное, я и похож был на него: новый выглаженный костюм, белая рубашка, отлично повязанный пионерский галстук, чёрные ботинки начищены до блеска, а на носу – маленькие кругленькие очки. (Отец почему-то всегда покупал мне очки в круглой оправе.)

После уроков я не торопясь пошёл домой. Дойдя до угла школы, увидел стайку мальчишек, в том числе и из своего класса. Они увлечённо о чем-то спорили. Приблизившись к ним, я услышал:

– Мы будем вчетвером. Нам пятый не нужен, – орал во всю глотку тот самый вездесущий Жуков.

Другой – плотный, высокий, светловолосый незнакомый мне паренёк терпеливо объяснял:

– Жук, слушай! Это не по правилам. Нужно пять человек. У нас пять есть, а у вас – только четыре. Вот найдёшь пятого, тогда и сыграем.

Жуков заметался взглядом по школьной площадке. И тут... он увидел меня.

– Эй, Глобус! Давай к нам, сыграем в «знамя». – Я не знал, что такое «знамя», но всё же послушно подошел.

– Слушай, – затараторил обрадованный Жуков, – сыграй за нас пятым, мы же в одном классе!

– Ну, хорошо, – протянул я, ещё не зная, во что ввязываюсь. И после минутного замешательства пробубнил растерянно: – Только я не знаю, как играть.

– Ерунда, – рассмеялся мой одноклассник и торопливо стал объяснять правила игры: – Нужно заскочить на сторону неприятеля и, пробежав по их линии, захватить «знамя», что находится в конце. Побеждает тот, кто первым его принесёт. Понял?

– Чего не понять, – поспешно ответил я. – Дураку ясно. Попробую. – В тот момент мне хотелось показать своим одноклассникам, что я не какой-нибудь недотёпа очкарик, отличник, а нормальный дворовый мальчишка. И мне тотчас захотелось доказать это собравшимся здесь ребятам.

Я вызвался бежать первым. Лучше бы мне было не соглашаться играть в это проклятое «знамя»! Мощными ловкими ударами меня тут же сбили с ног. Сильно рванули рукав нового пиджака, отчего он сразу треснул и оторвался наполовину. При падении форменные брюки порвались на коленке, а пионерский галстук лишился своих концов. Меня грубо, за шиворот, как нашкодившего щенка, вытолкнули с площадки. При этом до обидного жёстко наорали: «Ты, сосунок, сначала потренируйся, а потом только приходи играть».

Бросив испуганный взгляд на свой костюм, я окончательно упал духом. Ужасно! Идти в таком плачевном виде домой – значит самому себе вынести смертный приговор. Я стал бродить вокруг нашего дома в надежде, что отец за чем-нибудь выйдет из подъезда и я смогу незаметно прошмыгнуть, словно мышь, в квартиру и переодеться.

Прогуливаться во дворе пришлось довольно долго, но моё ожидание всё же оказалось не напрасным. Спустя некоторое время из подъезда вышел отец с сумкой в руке и направился в сторону магазина. Нельзя было упускать такой шанс. Я стремглав кинулся по лестнице, в один миг оказавшись на пятом этаже. Быстро переоделся и, как ни в чём не бывало, стал разогревать на плите суп.

Вскоре вернулся отец. Увидев меня, он обрадованно спросил:

– Ну что, проголодался? Как учёба?

Я гордо открыл дневник, в котором красовалась моя первая оценка – пятерка.

– Молодец, – похвалил отец. – История – это хорошо. Но запомни, сынок: царица всех наук – математика. Старайся, и из тебя получится великий человек. – Я покорно кивнул, совершенно не согласный с его мнением.

Вечер прошёл превосходно: играли в шахматы, потом отец попросил почитать ему Чехова и долго смеялся над рассказами своего любимого писателя.

Лишь когда мы уже легли в постель, перед тем, как заснуть, я вдруг отчётливо представил, что же ждет меня завтра... И вот тут-то мне по-настоящему стало страшно.

Тайное всегда становится явным

Утром я быстро позавтракал и, пока отец мылся в ванной, наспех натянул на себя лохмотья – жалкое подобие костюма и стремглав выбежал из квартиры.

В подъезде я основательно доработал свой наряд: полностью оторвал рукав, пиджак для большей убедительности потоптал ногами и, напялив на себя «остатки былой красоты», потащился обратно домой.

Зайдя в прихожую, я стал громко, во весь голос кричать и даже смог выдавить из себя несколько слезинок. Выбежавший из кухни испуганный отец с удивлением уставился на меня.

Увидев его, я заорал ещё громче:

– А-ааа, а-аааа, а-аааа... собаки, – выл я, не умолкая ни на секунду. – Только вышел, а они набросились. А-ааа... Я ничего им не делал. А-а-а-а-а-а...

Я так правдоподобно, как казалось мне, расписал всё отцу, что и сам поверил в свою ложь. Но папашу моего не так-то просто было провести. Приблизившись ко мне, он молча взял из моих трясущихся рук оторванный измазанный рукав. Внимательно осмотрев его, вдруг со всего размаху ударил меня им по голове. Остолбенеv от такого поворота событий – мой фокус не удался, я застыл в немом крике. Через минуту, как затравленный зверек, заметался по прихожей, пытаюсь открыть дверь.

В глазах отца, грозно сверкающих на меня из-под нависших бровей, я прочитал себе «смертный» приговор. Выпорол он меня тогда основательно, так что я два дня не мог без боли сидеть. Конечно, я сразу же признался ему во всём и объяснил, почему ввязался в эту незнакомую мне игру.

Отец пришил рукав, зашил брюки и постирал костюм. О покупке новой школьной формы мне даже и мечтать было нечего. К тому же после стирки костюм снова выглядел почти как новый. Лишь заштопанная коленка теперь постоянно напоминала о печальном происшествии.

Оглядев меня с ног до головы, отец сказал серьезным тоном:

– Вот тебе и урок: никогда никого не обманывай – только самому же хуже будет. И запомни на всю жизнь: тайное всегда становится явным, а обман ни к чему хорошему не приводит. Надеюсь, этот случай пойдёт тебе на пользу.

– Да, – тихо произнёс я. – Однако, к сожалению, я так и не учёл этот случай и не сделал никаких выводов. Впрочем, и из многого другого в жизни. Но об этом несколько позже.

Глава 3. «Блокада»

Камчатская зима

Наступила холодная камчатская осень с дождями, грязью и жёсткими, пронизывающими насквозь ветрами, постоянно дующими с океанских просторов.

Я не очень любил эту тоскливую пору. Придя из школы, весь вечер торчал дома: на улицу совсем не хотелось идти и даже не тянуло. Отцу же это время года, наоборот, нравилось. Он и сам говорил об этом не раз, постоянно вздыхая:

– Скорей бы осень, хоть дома посидишь. А то всё бегаешь допоздна по дворам. – Я прекрасно понимал, что ему скучно сидеть одному в квартире. Но улица манила меня разнообразием, шумными весёлыми играми с приятелями, и я ничего не мог с собой поделать.

За унылой осенью приходила снежная камчатская зима, торжественная и величественная. Все жители Петропавловска, в том числе и я, всегда с нетерпением ждали её прихода. Радовались первому снегу, сверкающему ослепительной белизной. Он прикрывал, прятал под белоснежным покрывалом неприглядное осеннее месиво. Кроме того, с приближением зимних холодов на Камчатке заканчивалась навигация, и вся трудовая деятельность, связанная с ловлей и переработкой рыбы, прекращалась. Прибрежные воды сковывало льдом, и всё вокруг замирало. У рыбаков (а их на полуострове большинство) начинались «зимние каникулы» – вынужденный простой в работе. В это время они с семьями жили на деньги, заработанные за весенне-летний период.

Зима на Камчатке обычно наступала неожиданно. И внезапно, вдруг как-то сразу всё изменялось. Ещё вчера месили ногами осеннюю грязь, а сегодня – взгляни в окно: вокруг белым-бело, аж глазам больно. Зачастую снег валит, не переставая, по трое-пятеро суток.

Снежная «рулетка»

Для нас, детей, наступало весёлое время года. С началом зимних каникул мы с ребятами, раскрасневшиеся от мороза, беззаботные и довольные наступившим для нас заслуженным отдыхом, все дни и особенно вечера проводили на улице. Лыжи, коньки, салазки, снежки, штурм ледяной крепости... Но были у нас игры и не столь безобидные, как эти.

Например: прыжки с крыши ближайшего магазина. Вечером мы забирались на крышу и сигали с неё вниз. В сугробы, которые у нас порою достигали высоты до трёх метров. Самым опасным считался первый прыжок – «снежная рулетка». Прыгающий вначале мог напороться на какой-нибудь «металлолом» – разные железяки, зачастую во множестве валявшиеся под снегом. Бывали случаи, когда ребята ломали себе ноги и руки. Но эти единичные случаи игровых увечий нас несколько не смущали и не останавливали. Наоборот, азарт и риск подстёгивали прыгать первым. Это было геройским поступком в глазах остальных.

С началом занятий мы продолжали свои опасные игры в школе. Прыгали с третьего этажа, из окон кабинета физики. Особенным шиком было на большой перемене распахнуть окно, вскочить на подоконник и друг за дружкой, стайкой, как воробьи, «свистнуть» вниз.

Из тех подростковых лет отчётливо сохранился в памяти случай, когда я однажды на спор прыгал первым. Перед этим прошёл сильный снегопад, и снега навалило видимо-невидимо, целые горы. Я тогда провалился так глубоко, что даже и следов падения не сохранилось. Снег вслед за моим телом сразу же осыпался, перекрыв мне выход наружу и надёжно заточив в снежном склепе. От испуга я стал беспорядочно барахтаться в холодном ледяном плену, отчаянно кричать: снег залепил мне рот, глаза и уши. В паническом страхе оттого, что погибну в пещере с голубым свечением, я стал задыхаться. Из последних сил продолжал сражаться с грозной снежной стихией, всё ещё пытаюсь выкарабкаться. На моё счастье, ребята не оставили меня и вскоре вытянули корчившийся «заиндевелый мешок» наружу, раскопав снег руками.

Бывало и гораздо хуже: малыши, да и постарше дети, навсегда оставались заживо погребёнными под сугробами. Увлечённые строительством замков, крепостей, прокладывая в толще снега многочисленные тоннели, они и сами не подозревали, что готовят себе могилу, обрекая на мучительную смерть. И в пылу азарта не замечали, как внезапно оказывались в плену ледяного безмолвия. Подкопы не выдерживали большой массы снега, и порою навсегда забирали с собой несчастных детей. На большом заснеженном пространстве найти их потом не представлялось никакой возможности. Из-за огромных снежных глыб откопать и спасти бедных детишек было очень сложно, – только в том случае, если рядом находились взрослые. Но случалось и такое, что поблизости не оказывалось никого. И тогда весной с таянием многочисленной массы снега обнаруживались страшные находки.

В памяти всплывает случай с пятилетней девочкой. Отец с матерью искали пропажу всю ночь. Наутро подключилась милиция, но всё безуспешно. День за днём родители перерыли в окрестностях все сугробы, но так и не смогли найти дочку. А когда весной растаял снег, и потекли многочисленные ручейки и ручьи, мёртвую девочку обнаружили рядом с домом. Мать сошла с ума, увидев останки своей дочери. Отец запил, и как-то в пьяном угаре слетел на машине в море.

Находясь под впечатлением несчастных случаев, отец очень боялся за меня. И каждый раз, как маленькому ребёнку, постоянно напоминал, чтобы я ни в коем случае не копался в снегу.

Но разве в чудесный зимний денёк меня можно было удержать?! Я копошился в сугробах до тех пор, пока одежда, вся насквозь промокшая, не затвердела на морозе. В этом снежном скафандре и являлся домой. Отец, увидев меня в таком виде, поначалу сердился. Но, смотря на мою счастливую мордашу, безнадёжно махнув рукой, произносил обычно одни и те же слова:

– Ну что с тобой поделаешь, гулёна. Иди уже пить чай. – Какое это было наслаждение! Скинув с себя мокрую одежду и переодевшись в сухое, сидеть в светлой тёплой кухне и попивать маленькими глотками обжигающий чай.

Но это было только начало зимы, а дальше нас поджидали настоящие холода, морозы, ураганы... И тогда не только на улице, но и в квартирах стоял жуткий холод.

«Блокада»

Что такое зима на Камчатке, я знал не понаслышке. Но даже и предположить себе не мог, что значит зимовать в ледяной, насквозь промёрзшей квартире, где самое тёплое место – ванная комната.

В посёлке у нас была печка и большие запасы дров, и мы сами протапливали дом, когда нам хотелось. А тут в нашей квартире то ли из-за слабого давления, а может быть по какой-то другой причине батареи центрального отопления были еле тёплыми.

А однажды даже, после особенно сильной пурги, на стене комнаты проступило грязно-зелёное пятно. Появившись, оно уже не хотело исчезать, а с каждым днём увеличивалось всё больше и больше. Растекаясь, расплзаясь по светлым обоям, плесень осваивала всё новые и новые участки, с радостью заражая их своими зловредными спорами, пока наконец не заняла собою почти весь угол.

Отец ходил в ЖЭК, но там его даже слушать не стали. Сказали: дом новый, прошёл проверку, мол, что вам ещё надо? Правда, пообещали придти посмотреть. Но никто, естественно, не пришёл.

Так мы и жили. А что оставалось делать? Спали под несколькими одеялами, и ещё сверху отец накидывал своё зимнее пальто или шубу.

Через месяц, в ноябре отключили электроэнергию во всех районах Петро-павловска. Началась «блокада». С Большой земли перестали приходить танкеры с мазутом – главным камчатским топливом, от которого и зависела наша «светлая жизнь» в этих суровых условиях. В начале зимы поставки были бесперебойными. Потом танкеры стали приходить к нам всё реже и реже. В итоге остался один, и его мы теперь ждали, как Бога.

Танкер «Кандалакша» вмещал в себя восемь тонн мазута, и этого запаса – мизерного для потребностей города – нам с трудом хватало всего на четыре дня. А потом опять наступала тёмная и холодная ночь.

Учебные занятия продолжались, однако нас отпускали пораньше. Но по мне так лучше было находиться в школе, чем в ледяной квартире: там хоть кормили горячим.

Придя домой, я дрожал с отцом на холодной кухне. На столе стояла керосиновая лампа, и прямо из банок мы торопливо глотали какие-нибудь рыбные или мясные консервы. Подогреть еду было не на чем и приходилось всё есть холодным. Правда, у нас, как и у всех камчатских жителей того злополучного времени, была своя маленькая газовая плитка с баллончиками. Но после того, как по городу пронёсся слух, что баллоны часто взрываются, лишая людей то пальцев, то глаз, отец запретил мне пользоваться плиткой. Однако тайком от него я всё равно кипятил на ней воду для чая.

Длительными тоскливыми вечерами неуютно было сидеть в промёрзшей насквозь, ледяной и сырой квартире, и я выходил на улицу покучкаться с дворовыми ребятами. Озябшие и продрогшие с головы до ног, мы, словно взъерошенные воробушки, разлетались по улочкам родного города. Бродили до самой полуночи, стараясь хоть как-то согреться от быстрой ходьбы. Приходя домой, я сразу же нырял под груды одеял, пальто и шуб, тем самым спасая себя для завтрашнего, такого же хмурого и холодного дня.

Отец, как пожилой человек, страдал гораздо сильнее меня. Я видел, как тяжело он переносит этот проклятый холод. Он сильно мёрз, но виду никогда не показывал: всё храбрился и шутил. Но я-то прекрасно видел: с каким трудом он передвигается, как долго не может заснуть и беспокойно спит по ночам.

Как мы пережили эту зиму – я и сам сейчас, по происшествию стольких лет, не могу понять. Поговаривали, что от переохлаждения организма за зимний период умерло много одиноких пожилых людей и маленьких детей. И это было правдой.

С приходом весны, с наступлением первых теплых деньков все жители города – от мала до велика – наконец-то с облегчением вздохнули. Закончилось страшное время.

Глава 4. Как стать человеком

Как стать человеком

На почве последних событий и переживаний в моей душе, еще неокрепшей и мечущейся в поисках прочной гавани, посеялись семена не просто озлобленности. В ней, ищущей правду и стремящейся к добру, прочно укоренились злость и непонимание происходящего вокруг. Я начал остро ощущать социальную несправедливость. Вопросы одни за другим возникали в моей голове, кучей роились в мозгу, не находя выхода – правильных ответов.

Отец ничего вразумительного мне не мог объяснить. Только неустанно повторял: надо хорошо учиться, быть человеком и упорно идти к своей цели. Тогда всё будет: и хорошая профессия, и уважение, и деньги.

В будущем отец всегда хотел видеть меня в роли «великого и знаменитого человека». Допустим, если я получал «пятерку» по географии, то, по его словам, мне была уготована прямая дорога на геофак, где из меня непременно получился бы второй Магеллан или Марко Поло. Если же на родительском собрании ему говорили, что на уроке рисования у меня горшок получился лучше всех – неоспоримо, по его мнению, меня ждала слава Рафаэля или Микеланджело.

Будучи сам разносторонне образованным человеком, отец привил мне любовь к книгам, заложил основы истории, географии, астрономии. Он пытался заинтересовать меня математикой, физикой, техническими науками, но из этого ничего не получилось: мой мозг не воспринимал точные и прикладные науки. Отец старался также развить во мне чувство прекрасного: научить видеть красоту природы, ценить поэзию и погружаться в мир музыки. Ради этого он готов был даже платить деньги, хотя во многом другом – одежде, еде – частенько отказывал.

Так произошло и на сей раз.

Бетховен

Как-то раз утром отец, придя с работы (после пенсии он подрабатывал сторожем в детской поликлинике), восторженный и довольный, закричал прямо с порога:

– Андрий! (Отец называл меня так, когда был в хорошем настроении). Я сорвал с объявления телефон о приёме в музыкальную студию. – С этими словами он, вытащив из кармана смятый клочок бумажки, прочитал вслух:

– Производится приём в музыкальную школу-студию игры на фортепиано. Запись всех желающих. Звонить по выходным с 9 до 18 часов. Спросить Ларису Ивановну.

– По-моему, ты сорвал всё объявление, а не только телефон, – уточнил я и не без ехидства в голосе добавил: – Мне кажется, что тебе уже всё-таки поздновато будет заниматься игрой на фортепиано. – Отец весело рассмеялся. Шутка-розыгрыш ему явно пришлась по душе.

– Дурень, – проговорил он, всё ещё давясь от смеха, однако стараясь придать голосу подобие серьёзности. – Заниматься музыкой будешь ты! – торжественно сообщил отец. – И поверь мне: из тебя получится второй Бетховен.

– Знаешь, мне больше нравится Вагнер, – напыщенно возразил я. – Можно мне быть вторым Вагнером?

Отец звонко захохотал и, похлопав по плечу, прокричал радостно:

– Будь кем хочешь! Только сделай так, чтобы мне за тебя не пришлось краснеть.

В субботу вечером мы торчали перед обитой дерматином дверью, и отец давал мне последние, очень важные, по его мнению, напутствия.

– Если будет спрашивать, какой у тебя слух – говори: отличный. Если попросит что-нибудь спеть – не стесняйся: запевай «Севастопольский вальс». И самое главное – не бойся: у тебя всё получится. – А я и не боялся, хотя слова песни «Севастопольский вальс» начисто вылетели из моей головы.

Наконец отец позвонил в дверь. Там будто только и ждали звонка. Дверь тут же широко распахнулась, и на пороге появилась высокая стройная худощавая женщина с большими серыми глазами и густыми каштановыми волосами, стянутыми сзади в тугой хвост.

– А-аааа, ы-ыыыыы, – отец забормотал что-то невразумительное.

– Да, вы не ошиблись, – мягким бархатистым голосом пропела женщина. – Здесь рождаются таланты.

– Ага, – радостно поддакнул отец, наконец-то очнувшись. – Я говорил тебе, – обернувшись ко мне, добавил он.

– Проходите, пожалуйста, – хозяйка квартиры, шагнув в глубину прихожей, показала нам на широкую стеклянную дверь, ведущую, видимо, в зал.

В комнате было тепло и уютно. У стены располагался симпатичный диванчик со множеством разнокалиберных подушечек разных оттенков. По другую сторону стояло чёрное фортепиано с начищенными до блеска медными педальками.

– Прошу, – женщина легонько подтолкнула меня поближе к инструменту. – Ну, что будем петь?

– Севастопольский вальс, – с азартным блеском в глазах прокричал отец.

– Знаете ли, уважаемый Вячеслав Андреевич, если эта песня Вам так нравится, Вы можете и сами её нам спеть, – строго проговорила она, пристально смотря на него. – А Андрюша споёт нам «Маленькой елочке холодно зимой». Так? – спросила она, уже непосредственно обращаясь ко мне.

– Так, – выдавил я из себя.

Некоторое время она внимательно слушала мой нечленораздельный бубнёж. Наконец взмахом руки заставила меня замолчать. И я, словно сквозь слой ваты, услышал её сочный голос, произнесший окончательный вердикт:

– Ваш сын принят. Оплата – пятьдесят рублей в месяц. Занятия начнутся с понедельника.

Бананы

Наступило лето. Скучное, прохладное, но всё же это было лето.

Однажды отец принёс из магазина какие-то новые экзотические фрукты. Оказалось: самые настоящие бананы. Раньше я ел эти плоды только сушёными, которые любезно поставлял нам «красный» Вьетнам. Их продавали у нас по рублю пачка.

А познакомился я с этим лакомством, ещё живя в Ильпыре. Сушёные бананы были маленькими коричневыми сморщенными червячками, липкими на ощупь, а вкус имели приторно-сладкий. Да такой, что после них ещё долго во рту оставался вяжущий привкус, от которого не так-то легко было избавиться.

И вот это чудо – свежее, а не сушёное – лежало теперь передо мной в картонной коробке в огромном количестве. Я же стоял, широко раскрыв глаза, как два пятака. Тёмно-зелёные плоды аппетитно лежали, поблёскивая кожурой. Я тут же схватил один из этих тропических гостей и уже хотел было откусить приличный кусок, как отец упреждающе щёлкнул меня по лбу.

– Ты что, – вскрикнул он, удивленно таращась, – сдурел? Они же ещё неспелые. – С этими словами он быстро взял коробку и, плотно закрыв её, задвинул под кровать. – В тёмном месте пускай дозревают.

«Странно, – думал я, сидя на следующий день дома один, – как могут быть неспелыми такие соблазнительные фрукты. Явно отец ничего в них не понимает. Надо хоть попробовать чуток, а то ещё испортятся, снова я буду виноват».

С этими мыслями я решительно залез под кровать и вытащил из коробки один из бананов. Он был твёрдый, зелёный, источал своеобразный запах. Сразу в голове пронеслись отрывки из любимого «Робинзона Крузо», воплотившись в образы: джунгли, попугаи, смыслённые обезьяны и прочие прелести незнакомой тропической жизни. Не выдержав более терзающих меня уже со вчерашнего вечера душевных мук, я решил наконец-то вкусить ароматный плод. К моему великому огорчению, фрукт оказался терпким и вяжущим, но я мужественно доел его до конца.

Не обращая никакого внимания на отвратительный вкус заморских плодов, я на следующий день дегустацию повторил.

И так продолжалось до тех пор, пока на дне картонной коробки не остался один-единственный, по-настоящему зрелый банан. К тому времени, пока я, морщась от непривычной пищи, день за днём поедая недозревшие экзотические фрукты, «последний из могикан», по видимому, собрав все свои банановые силы, решил преподнести мне сюрприз: дать ощутить, каков же вкус по-настоящему спелого ароматного банана. Откусив от заморского плода кусочек, я несколько минут сидел, обалденно пялясь на стену. В голове билась, в диком восторге отплясывая замысловатые «па», лишь одна мысль: «Какая вкуснотищаааа!..».

Вечером пришел отец и наконец-то вспомнил про бананы. Со словами:

– И где же там наши милые бананчики! – он полез под кровать. Пошебуршив там несколько минут, вдруг притих. Тишина из обычной превратилась в зловеще-звенящую, наполненную тревожными чувствами. И прежде чем я успел выскочить из квартиры, вдогонку мне понёсся иступленный крик отца:

– Сволоченок, чтоб тебя пронесло от бананов, – неслоь вслед за мной по лестничной площадке, пока я вихрем не вылетел вон из подъезда.

Занятия

В школе я учился всё хуже и хуже, и вскоре стал самым отстающим учеником в классе почти по всем предметам.

Я был очень ленив от природы. И даже те предметы, которые любил, игнорировал полностью. Приходя домой, швырял портфель в угол и до утра к нему больше не прикасался. Зачастую даже не готовил учебники на новый день. Первое время учителя ещё пытались как-то повлиять на меня разными способами. Но вскоре махнули рукой и окончательно сдались в бесполезной борьбе дать мне необходимый, по их мнению, запас знаний. Отец же – для профилактики, время от времени – старался делать это в своей излюбленной манере: он просто-напросто вбивал мне школьные знания в голову своим тяжелым флотским ремнём.

Единственное, чем мне нравилось заниматься, были чтение и музыка. Отец, видя моё музыкальное усердие, купил пианино, и я целыми днями барабанил на нём гаммы и наигрывал разные лёгкие вещицы. Отец был в восторге от моей игры, и я, уловив преимущества своего положения, избрал своеобразную тактику поведения: в очередной раз получив в школе плохую оценку, придя домой, тут же садился играть гаммы.

Однако моему учителю по музыке, Ларисе Ивановне, было абсолютно всё равно: она не огорчалась моим неудачам и отнюдь не радовалась успехам. Приходя к ней на занятия, я садился за инструмент и исполнял домашнее задание. И как бы я ни сыграл, она брала мой дневник и ставила неизменно одну и ту же оценку «пять», а в конце каждого месяца непременно напоминала:

– Андрей, не забудь сказать отцу, чтобы заплатил за обучение.

Так незаметно прошло семь месяцев моего музыкального просвещения. И однажды, когда я в очередной раз пришёл на занятие, дверь мне никто не открыл. Выглянувшая соседка объяснила: «Лариса Ивановна уехала к мужу в Курск. Когда приедет назад, она не знает. Да и возвратится ли...»

Но недолго я отдыхал от музыки. Отец нашёл мне нового учителя. Оксана Владимировна Лебедь преподавала игру на фортепиано в студии при судоремонтном заводе. Она сразу же мне понравилась. Энергичная, бойкая, симпатичная, она рьяно взялась за моё музыкальное обучение. И через два месяца я уже всю исполнял «Мазурку», «Полонез», два «Менуэта», не считая расходящиеся и сходящиеся гаммы.

Буылки

Понемногу наша жизнь в городе налаживалась. Отец постепенно привык к нашему пятому этажу, хотя для него и тяжело было подниматься каждый раз наверх. Приходя с улицы, он долго отдувался в прихожей и, сидя на стуле, ругал архитекторов-сволочей, что не додумались поставить в наш дом лифт. На мои слабые доводы, что в пятиэтажках лифты не ставят, он с раздражением ворчал:

– Полное безобразиe! Что значит – не предусмотрено, а больных инвалидов у них положено загонять на пятый этаж?!

В прихожей у нас скопилось огромное количество стеклянной тары. Разнокалиберные банки-буылки толпились в узком коридоре и, переливаясь всеми цветами радуги, обиженно, недовольно звенели каждый раз, когда их по неосторожности задевали.

– Сдал бы, наконец, что ли, – как-то сказал мне отец, в очередной раз отдыхая в коридоре после похода в магазин. – А то толку от тебя никакого, только и знаешь, что брнчать на пианино да по улицам шляться.

– Но ведь ты сам записал меня в музыкальную студию, – я попробовал было защищаться.

– Я хотел, чтобы ты серьезно занимался музыкой, а не брнчал разную ерунду: одно и то же целый год, – взорвался отец, вконец разозленный моими возражениями.

– Хорошо, – покорно проговорил я.

Объяснять отцу, что без этой «ерунды», то есть без гамм, не смогу в дальнейшем сносно играть серьёзные вещи и что всё это называется «оттачиванием мастерства», я не стал. Спорить бесполезно: у меня могут быть серьезные проблемы, – и я промолчал.

– Ага, – с торжеством победителя орал отец. – Ты признаёшь, что лентяй! Так вот, лодырь, слушай меня внимательно: чтобы завтра все буылки были сданы, а деньги лежали на столе. Всё ясно? – С этими словами он завалился на кровать и принялся читать свою любимую «Роман-газету».

Что мне оставалось делать?

Утром следующего дня отец уложил буылки в два старых потрескавшихся чемодана, которым давным-давно было уготовано место на свалке и, подгоняя меня, строго приказал:

– Здесь, рядом с нашим магазином, пункт приёма стеклотары закрыт. Поедешь на 10-й километр. Там всегда принимают.

С трудом доковыляв до остановки с тяжеленными, оттягивающими руки чемоданами, я проклинал всё на свете. Мои друзья никогда не сдавали стеклотару. Они просто выносили её к мусорным бакам, – и проблема решалась просто. Сейчас я панически боялся, что кто-нибудь из них увидит меня с этими страшными чемоданами из «динозавровой кожи», полными стучающихся друг о друга и предательски звенящих буылок.

Подошёл переполненный автобус. Напрягаясь из последних сил, я кое-как втиснулся со здоровенными чемоданами в битком набитый салон. Ехать надо было далеко, почти в другой конец города. Духота. Дышать нечем. Размазывая по лицу то и дело стекающий пот, я стоял, сдавленный со всех сторон, и злился сам на себя за свою трусость перед отцом.

На 10-м километре пункт приёма стеклотары, конечно же, как говорится по закону подлости, не работал. Мало того, на мятом клочке бумажки, прикрепленном к деревянному окошку, корявым почерком было нацарапано: «Сдача стеклопосуды с 9 до 11».

С колотящимся от предчувствия чего-то нехорошего сердцем, я спросил время у проходившей мимо женщины:

– Три минуты двенадцатого, – ответила она.

«Три минуты двенадцатого, – вихрем пронеслось у меня в голове. – Всего-навсего опоздал на три минуты». «А может, приёмщик ещё не ушёл!» – запульсировала в мозгу спасительная мысль – слабая надежда на попытку что-либо изменить.

С замиранием сердца, на ватных ногах я подошёл к железной двери пункта и легонько, как казалось мне, постучал. Лязгающий грохот металла неприятным звоном нарушил тишину пустыря. Я замер от страха – дверь тут же распахнулась. И высунувшаяся оттуда обросшая физиономия, недовольно ворча, грубо спросила:

– Чё надо?

– Бутылки сдать можно? – радостно прокричал я и, не услышав ответа, слезливо запищал: – Примите, пожалуйста! Я ехал с Садовой.

– Закрыто, не ясно, чё ли, – голосом, не терпящим никаких возражений, резко отрезала «физиономия», и дверь с грохотом захлопнулась перед самым моим носом.

«И что же мне теперь делать?» – с грустью подумал я, тоскливо рассматривая свои стоптанные солдатские ботинки, год назад купленные отцом в военторге по дешёвке.

И вдруг, со злой решимостью, внезапно вырвавшейся наружу из глубин моей душонки, обычно трусливой перед приказаниями отца, подойдя к мусорным бакам, я поднял и с силой швырнул туда ненавистные мне чемоданы, один за другим.

Назад я ехал в самом замечательном расположении духа. «Вот какой я молодец! – всю дорогу нахваливал я себя. – Решился и выбросил. И отцу так заявлю, не побоюсь», – с гордостью за себя, храбреца, думал я.

Но побояться даже очень пришлось. На остановке меня уже поджидал отец. Я ещё издали заметил знакомый коричневый плащ – в городе такого больше никто, кроме него, не носил. Бедное сердце моё сразу же забилося в груди сильнее, и я сжался в маленький беззащитный комочек.

– Ну что, сдал? – поинтересовался отец, как только я сошёл с автобуса... И вдруг, изменившись в лице, он заорал благим матом на всю остановку:

– Где чемоданы, сволочь! У тебя что их украли? – На миг я оцепенел от страха, но хохот находящихся поблизости людей быстро вернул меня в реальность.

– Я их выбросил, – выпалил я с торжеством победителя. И, зло посмотрев отцу прямо в глаза, добавил геройски: – Вместе с твоими вонючими бутылками.

– Ну-ка, ну-ка, иди-ка сюда, – поманил отец резко изменившимся, каким-то подозрительно-мягким вкрадчивым голосом, и волна нервной судороги пробежала по его покрасневшему лицу. – Иди сюда, паскудник! Я тебе сейчас голову оторву и выброшу её туда же, к бутылкам.

Не дожидаясь расправы, я стремглав бросился прочь, как можно дальше от не на шутку разгневанного отца, страшного в своей ярости. На ходу громко плача, я проклинал во весь голос свою злую несчастливую судьбу и жестокого отца...

Глава 5. Детство

Начало

...Иstoшный вопль грудного ребенка разрывает тишину комнаты. Малыш кричит над-рывно, заходясь в крике, и, замолкая лишь на короткое время, возобновляет свою жалобную песню снова и снова.

Но никто не откликается на его настойчивые просьбы о капельке обыкновенного человеческого внимания со стороны взрослых. Никто не идёт, не бежит к нему. Всем не до него: в соседней комнате всюду гуляют. Слышится звон посуды, грохот передвигаемых стульев, громкие разговоры, пьяный смех...

Через некоторое время в комнату всё же, вероятней всего случайно, входит, пошатываясь, женщина – ярко накрашенная блондинка, броско и безвкусно одетая. От неё исходит запах вина и тянется шлейф дорогих духов. Наклонившись над детской кроваткой, она, пригрозив пухлым пальцем, украшенным массивным золотым перстнем, гневно шипит:

– Не ори, засранец. – Младенец замолкает. На женщину испуганно поглядывают широко раскрытые большие голубые глазёнки с блестящими бисерными капельками слез на красном, с синими прожилками, крохотном личике.

– Замолчи, идиот, – повторяет она пару раз и нетвёрдой походкой направляется к двери.

У самого порога её останавливает отчаянный крик грудничка. Таким образом он снова пытается привлечь к себе внимание, поняв, что женщина уходит, так и не захотев помочь ему. Подойдя второй раз, она резко приподнимает маленький, завернутый в пеленку комочек и безжалостно, с силой бросает его на кровать.

– Заткнись, паршивец! – орёт она, выходя из себя, и снова грубо хватается ребёнка. – Чёрт, он ещё и обосрался, – морщится красотка и брезгливо отшвыривает младенца от себя. – Маленький снова заходится в истошном крике.

В комнату пошатываясь, как матрос на палубе, входит мужчина в дорогом сером костюме. Он рассеянно обводит пространство мутным взглядом и наконец отыскав в глубине помещения вожделенный предмет, властно говорит:

– Лилёк, дорогая, пойдём к столу. Тебя ждут гости. – Блондинка нервно дергает головой, и, кокетливо вздернув носик, пьяно хихикает:

– Слава, этот гадёныш снова обкакался

– Ну, так и пусть лежит себе, пачкун. Не трогай его, – произносит мужчина и, сделав благородный жест, подхватывает женщину под руку и тащит за собой.

Весело посмеиваясь, довольные и счастливые, они скрываются в ярко освещённой комнате...

Никому не нужный

В пугающей темноте, в неудобной мокрой и холодной постельке хрипит, заходясь в крике, ребёнок. Он не может уже громко кричать, а только продолжает тихонько подвывать, словно маленький голодный зверёк...

Сумерки сгущаются, надвигаясь обволакивающей чернотой. Все предметы в комнате погружаются во мрак. Лишь тусклые лучи уличного фонаря и лунный свет, с удивленным любопытством заглядывая в детскую комнатку, прокладывают светлую дорожку к кровати никому ненужного несчастного малыша.

К ребёнку давно никто не приходит.

В соседней комнате гаснет свет, все расходятся. Наступившие тишина и темнота маленького не пугают. И даже неприятные ощущения от прикосновения к его нежному тельцу мокрой одежды не донимают его так, как терзающее чувство голода. Словно хищный зверь оно подкрадывается незаметно. Сначала малютка терпит, с интересом разглядывая произошедшие вокруг него перемены: игру разноцветных огоньков в окнах соседнего дома, вспыхивающих внезапно, исчезающих и появляющихся вновь, но неожиданно в другом месте, и светящихся то синим, то зеленым или красным, оранжевым, жёлтым переливающимися цветами... Это зрелище оказывается таким притягательным, что младенец увлекается им надолго.

Однако ноющее чувство голода не отпускает. Внедрившись в желудочек малютки давно, оно всё настойчивей требует пищи. Малыш пробует засовывать в рот свои крошечные кулачки по очереди – то один, то другой – и первое время с большим удовольствием сосёт их, глотая голодные слюнки. Но и это его не может отвлечь от всевозрастающих терзаний. И тогда он придумывает себе более интересное и полезное в данном случае, по его разумению, занятие...

Наконец в комнату вваливается человек в сером костюме. Он еле стоит на ногах, шатаясь из стороны в сторону, как тонкая осинка под мощными порывами ветра. Подойдя к кровати, останавливается, в недоумении уставившись на маленького.

– Ты это что делаешь? – вырывается хрип из его глотки. – Ребенок лежит на боку, а правой ручкой усердно-старательно запихивает себе в рот свой кал. – Ты что?! – снова вопросительно-удивленно восклицает мужчина. – И вдруг вмиг протрезвев, бросается вон из комнаты.

– Лилька! Лилька! – слышится гневный окрик и тяжёлая поступь шагов в коридоре. – Быстро иди сюда, ты что творишь? – в его голосе появляются нотки нетерпения и раздражения.

– В чём дело? Славочка, что за шум ты поднял? – раздаётся наконец сонный женский голос. Мужчина, рванувшись навстречу появившейся блондинке, с силой ударяет её по лицу.

– Славочка, не бей! Славочка! – орёт она, повалившись на бок и закрыв лицо руками. – В чём я виновата, Славочка? Славочка, не бей! Ой, прости! Ой..! – причитает она, не умолкая.

– Сука! Стерва! – кричит мужчина. – Ребёнок жрёт своё говно! Когда ты его кормила? – Женщина, проворно вскочив на ноги, бросается в комнату к малышу.

– Маленький мой! Родненький, я сейчас! Я сейчас все сделаю, – сюсюкает она, пробудив в себе крепко заснувшие до сих пор материнские чувства. – Да ты же весь мокренький, бедняжка. Дай-ка я тебя переодену, – нежно воркует «мамаша», засуетившись около младенца, словно насадка над цыплятами.

Она несёт ребёнка в ванную комнату, моет его с мылом, насухо вытирает и, одев в чистую распашонку, заворачивает в мягкую, приятно касающуюся нежной детской кожи, пелёнку. Маленький молчит, созерцая всё спокойным взглядом взрослого человека. Он воспринимает происходящую вокруг его персоны суету, как давно причитающуюся и выстраданную им необходимость. Женщина приносит тёплое молоко в бутылочке, и бедняга наконец-то по-настоящему может покушать.

«Ах, какое блаженство лежать в чистой постельке, в сухой одежде, напившись вкусного молочка!» – маленький замуривается от удовольствия, потягивается и смешно зевает, скривив ротик в сторону.

И вскоре, довольный и счастливый, он уже спит крепким спокойным безмятежным сном младенца...

Первые шаги

Ребёнку десять месяцев. Он стоит у кресла и держится ручками за подлокотник. Малыш учится ходить.

На кровати у противоположной стены сидит человек, которого ребёнок знает, как «громко кричащего дядю». Рядом на табуретке – большая седая пожилая женщина. Она, словно несокрушимая, неприступная скала, сидит, опершись на палку, и тяжелым немигающим взглядом смотрит перед собой.

– Ну, – раздаётся весёлый самодовольный голос мужчины, очень кстати нарушивший напряжённую тишину комнаты. – Андрюша, чего ты? Не бойся, иди сюда, – и, раскинув руки, он настойчиво призывает к себе ребёнка.

Малыш боится. Он испуганно, словно затравленный зверёк, смотрит бегающим, чуть косящим взглядом на мужчину, потом на кресло, ... и, наконец, с трудом решается на первый в своей жизни шаг.

Отпустив ручки от надёжной опоры, малютка пару секунд стоит, раскачиваясь на тоненьких слабеньких ножках, кое-как сохраняя равновесие. Но стоит ему правой ножкой сделать в воздухе полукруг, как... хлоп, – и он уже сидит на полу. Ребёнок не спеша поднимается, ловко перевернувшись на живот и подтянув ножки, цепляется ладошками за стенку и медленно начинает обход комнаты по периметру.

Старуха, до этого момента казавшаяся погруженной в гипнотическое состояние, вдруг оживает: делает из пальцев «козу» и пугает маленького, но мужчина серьёзно, твёрдым голосом пресекает её шаловливость:

– Мама, перестаньте. – И она опускает руку.

Малыш медленно проходит комнату один раз, другой... На четвёртом круге, усаживаясь у стенки, он начинает жалобно хныкать и протяжно выть, как маленький беспомощный щенок.

– Обделался, небось, негодник, – ворчит старая женщина и тяжело, с большой неохотой поднимается с табурета. Подходит к маленькому, берёт его левой рукой под мышку, словно тук с грязным бельем, и, слегка опираясь на палку, тащит в ванную комнату отмывать.

Мужчина, усмехнувшись, сочувственно вздыхает. Оставшись один, он валится на кровать, жалобно заскрипевшую под тяжестью тела. Свесив ноги в модных ботинках, с наслаждением закуривает. Колечки удушливого папиросного дыма быстро заполняют небольшое пространство маленькой комнатки.

Вскоре появляется вымытый «горе-путешественник». Старуха вносит его все тем же способом и ставит у стенки. Маленький тут же хватается за опору и потихоньку начинает обходить комнату заново. Понравилось. Подойдя поближе к кровати, он останавливается и с нескрываемым любопытством широко раскрытыми глазёнками смотрит на лежащего мужчину. Тот вскакивает, тушит папироску и протягивает ребёнку палец. До пальца по стенке не добраться.

Малыш раздумывает несколько секунд. И вдруг отпускает потные ладошки от опоры и маленькими осторожными шажками медленно продвигается к манящему его предмету.

Письмо

Проходит три года.

Однажды почтальон приносит конверт с красивыми большими марками. Старая женщина очень радуется.

– От твоего папы, – глядя мальчика по голове, говорит она.

Полуслепая старуха тут же зовёт на помощь квартирантку тётю Машу – прочесть письмо. Та осторожно вскрывает большой помятый серый конверт, и из него неожиданно выпадает сторублевка. Тётя Маша, бережно взяв в руки купюру и рассматривая её на свет, с удивлением произносит:

– Не боится ведь посылать в письме такие деньги. Наверное, у него их куры не клюют. – Мальчугану становится смешно от этих слов.

– Почему деньги куры не клюют, – пристаёт он к тётке, но она лишь отмахивается странной, непонятной фразой: – Вырастишь – сам поймёшь.

Развернув плотный лист бумаги, сложенный вчетверо, тётя Маша принимается вслух читать письмо с далёкой Камчатки. Мальчик вначале внимательно слушает, но многое ему не совсем понятно, и от скуки он начинает вертеться на стуле. Пожилая женщина, заметив его невоспитанность, хватая за ухо и, пребольно крутанув пару раз, в сердцах восклицает:

– Не вертись, внучок! Угомонись же, наконец, чертяка! Слушай – батя письмо тебе написал, а ты вертишься. – От боли мальчишка орёт во весь голос и, вырвавшись из цепких бабкиных рук, убегает во двор.

«Сволочи, – злится он, спрятавшись за сараем в зарослях лопухов. И, размазывая засаленным рукавом рубашонки сопли, вперемежку со слезами, ворчит:

– Им письмо пришло – пусть и читают. А мне-то что из этого. А то, бабка, хороша: придумала батюку какого-то. В гробу я его видал в белых тапочках. Где он до сих пор был? Что-то я его не помню. Лишь бы драться старой. Ишь ты, взяла моду. Подожди, вот вырасту – дам ей тогда...

Долго ещё из зелёных зарослей слышится недовольное бурчание. Но постепенно оно затихает. Непоседливому малышу в конце концов надоедает сидеть в кустиках – становится неинтересно: никто не пытается его искать и даже не зовёт обедать. Он потихоньку выбирается из-за сарая и опрометью бросается к окну большой комнаты – столовой. Вскочив на ящик, мальчуган осторожно поднимает голову и, прильнув к стеклу, вглядывается внутрь. Бабушка всё также сидит за столом, а возле неё стоит тётя Маша и строгим голосом выговаривает-наставляет:

– Александра Ивановна, послушайте, он правильно пишет. Не надо приучать ребёнка к бабским юбкам. Кто из него вырастет? Пусть он спит в маленькой комнатке. Большой уже мальчик! Не надо баловать его. Ему уже скоро четыре. Вы же знаете Славку: если он приедет, а ребёнок будет спать с вами, что тогда начнётся – гром и молния. Послушайте меня, не волнуйтесь. Все мы рядом, если заплачет – услышим.

Бабушка сидит, низко опустив голову и не проронив ни слова. Мальчишка сразу смекает – речь идёт явно о нём: «Видимо какой-то Славка, написавший письмо, якобы мой отец. Он очень злой и не хочет, чтобы я спал с бабушкой. Но с другой стороны, это же и хорошо. Теперь у меня будет своя комната, и я смогу, сколько душе угодно, крутить большое железное колесо у швейной немецкой машинки. Оно давно уже притягивало меня. Ура! Ура! А ещё я смогу безнаказанно скакать на большой кровати, рисовать на обоях и делать массу вещей, которые раньше мне запрещали. Ура! Как хорошо! У меня будет своя комната!!!»

Остаток дня малыш ведёт себя очень хорошо. Подметает на кухне пол, наводит порядок в спальне, собирает игрушки в коробку, а ещё маленькими грабельками сгребает мусор

во дворе в одну кучку. И даже решает вымыть свой горшок. Бабушка удивляется. Что такое на внука нашло?

– Что случилось, паразит? – спрашивает она, схватив малыша за плечо.

– Ничего. Я просто помогаю тебе и тётё Маше наводить порядок. – Бабушка лишь качает головой.

Наступает вечер. За чаем баба, повернувшись к внучонку и положив тяжелую руку ему на голову, каким-то незнакомым голосом говорит:

– Андрюша, ты уже большой мальчик. С сегодняшнего дня у тебя будет своя комната. Ты рад? – Конечно же, он был очень рад: целый день ему пришлось ждать от бабушки этих слов. Малыш порывисто вскакивает и, обняв бабу Шуру, крепко целует её в щёку.

– Милая бабуля, я теперь буду всегда тебе помогать! Ты не думай: я всё могу – и полы мыть, и посуду, и кровать застилать.

Бабушка, посмотрев на внучонка повлажневшими глазами, произносит:

– Горе ты моё луковое, – ничего мне не надо. Только не расстраивай меня, старую, никогда.

Ночные страхи

Комнатка, которую выделяют Андрюше, совсем маленькая и к тому же без окон. Раньше там располагался чулан – кладовка, где бабушка хранила крупы, муку и другие продукты. Теперь это всё убирается. Дядя Валик, муж тёти Маши притаскивает из сарая старую кровать.

Ну что это за чудо! Высокая, с тугой панцирной сеткой она занимает чуть ли не половину пространства. К тому же с малышом почти одного роста. Андрюше приходится прикладывать некоторые усилия, чтобы на неё забраться. Высокие стальные спинки возвышаются, как металлическая ограда, а по углам их сверкают тусклым красноватым светом медные шишечки.

Бабушка говорит, что эта кровать была привезена из Германии ещё дедом Романом. А он умер за десять лет до рождения внука. Мальчик видел его много раз на пожелтевшей от времени и поцарапанной от старости фотографии. Там дедушка в военной форме стоит возле большого дерева и улыбается. Андрюше очень нравится эта фотография и он частенько просит бабушку достать альбом.

Теперь же, когда у малыша появляется своя комната, баба Шура решает повесить фотографию в рамке на стену возле его кровати. Пусть внучонок гордиться дедом и стремиться быть похожим на него.

Когда все приготовления по переселению, наконец, заканчиваются, наступает время сна. Мальчик трёт кулачками глаза и капризничает: ему не терпится, чтобы все поскорее покинули его территорию, и злым голосом кричит:

– Я спать хочу! Убирайтесь вон отсюда! – Вопли внука невыносимы, и бабушка, уложив малыша в кровать и накрыв одеялом, сердито наказывает:

– Спать в горшок под кроватью. Увижу, что нагадил в постель – прибью. – С этими словами она гасит свет и плотно затворяет за собой дверь.

Андрюша остается один. Распластавшись в огромной кровати, пытается рассмотреть потолок, стены, фото деда и представить себя в такой же форме, как у него. Комната погружена во мрак и ничего уже нельзя различить – остаётся только фантазировать. И вскоре ему надоедает пялить глаза в темноту. Пытается заснуть.

Но не тут-то было: сон не идёт, его как рукой сняло. В бабушкиной комнате щёлкает выключатель. Спустя минуту жалобно скрипит, стонет сетка кровати. «Бабка укладывается», – думает мальчик.

Он лежит один на просторном ложе, в полной темноте, и к нему начинает подкрадываться страх. Тихонько скрипит дверца шкафа в зале – и он тут же весь покрывается холодным потом. «Там кто-то ходит, – проносится у него в голове. – А что если воры проникли в дом и ищут, что бы им украсть. Вдруг заглянут в мою комнату?» От этих мыслей ему становится так жутко, что он закутывается в одеяло с головой, стараясь как можно тише лежать. Не дай Бог, его заметят. Спрятавшись таким образом, он лежит довольно долго, напряженно вслушиваясь в кажущуюся ему зловещей тишину.

Вскоре из комнаты бабы Шуры доносится храп. Это несколько приободряет мальчика. Боязливо высунув из-под одеяла голову, он прислушивается к привычным его слуху звукам. Храп нарастает – значит, бабушка крепко спит.

Андрюша успокаивается и только собирается зарыться поглубже в тёплую уютную постельку, – как ему вдруг жутко хочется в туалет. Что делать? Вначале он решает терпеть до утра, но сон не приходит, а писать хочется всё больше и больше.

Наконец не выдержав, он осторожно высовывает сначала одну ногу из-под одеяла. Непонятный страх вновь охватывает его, сковывает все мышцы, как только часть его тела оказывается за пределами постели. Ему кажется: что-то страшное и злое сидит у него под кроватью и сейчас схватит и стащит вниз. Малышу даже мерещится в темноте это существо – серое,

волосатое, с горящими красным злобным светом огромными глазищами и жёлтыми клыками. Вот оно уже приготовилось к прыжку и ждёт, когда же мальчик слезет с кровати. Мальчуган быстро засовывает ногу назад под одеяло и больше не пытается вылезать.

Надо ли писать о том, что в «туалет» он всё же сходил, но только – в кровать.

Наутро

Утром бабушка, широко улыбаясь, ласково спрашивает Андрюшу:

– Ну как спалось? Не боялся?!

Внучонок лежит молча, тараща на бабулю глазёнки. Ему хочется вскочить и наподать ей ногой в живот с такой силой, чтобы он лопнул.

– Уходи, – зло выкрикивает малыш. – Ты – мучительница. – Баба Шура, сообразив в чём дело, лезет под кровать и заглядывает в горшок. Он пустой.

– Паразит, ты снова нассал в кровать! – сердится она. – Так знай: ни я, ни тётя Маша не будем стирать тебе простынь – так и будешь спать мокрым, обоссанец. – Мальчуган от слов переходит к делу: выскакивает из-под одеяла и с силой пинает бабушку ногой в живот.

– Я уйду от тебя! Уйду от тебя! – орёт он сквозь слёзы. – И не буду пережёвывать тебе еду. С голоду помрёшь без зубов. Так и знай! – Старуха замахивается на внука, чтобы залепить ему затрещину, как вдруг открывается дверь и на пороге появляется взволнованная тётя Маша.

– Тётя Шур, Славка приехал. Скоро будет у нас. Пошёл к Лильке. – Бабушка замирает на секунду, словно заснув. Очнувшись, испуганным свистящим шёпотом умоляюще просит:

– Ой, Машенька, ставь скорее варить манку – дитёнок неумытый, неодетый и голодный к тому же. Да рубашечку Андрюше приготовь чистенькую, – кричит она вслед квартирантке, убегавшей выполнять распоряжения.

Завтрак

Мальчик сидит за столом и кушает. Точнее, делает вид, что ест. Рядом возвышается сердитая старуха – баба Шура. Она зорко следит за тем, чтобы манная каша попадала по назначению – в рот ребёнку. Но ложка очень тяжелая, каша невкусная, подгоревшая, с противными комочками. И Андрюша, лениво ворочая ложкой в тарелке, украдкой поглядывает на бабушку.

– Ешь, – говорит она строго, – а то шкелет какой. Батька придёт, будет мне тогда старой.

– Не-хо-чу, – раздаётся по слогам привычное уже для бабушкиного слуха слово. Мальчик продолжает спокойно, с невозмутимым видом елосить ложкой в тарелке.

– Паразит, – возмущается рассерженная бабка. Быстро подсакивает, что удивительно для её преклонного возраста, цепко хватает ребёнка за худенькие плечи и начинает трясти. Белобрысая головёнка его болтается на тонюсенькой, как у цыплёнка, шейке, раскачиваясь из стороны в сторону. Видимо, таким образом, бабуся надеялась выбить из него всю дурь, которой, по её мнению, он напичкан с головы до ног.

Очки, и так еле-еле державшиеся на маленьком носике, незамедлительно шлёпаются в бело-коричневую массу. Размазывая по лицу бегущие по щекам слёзы, свисающие сопли и стекающие с уголков рта слюни, малыш начинает кричать – громко, тоненьким голоском. Но только стоило ему разинуть рот – всё содержимое плюхается на рубашку. Разгневанная бабка даёт ему увесистую оплеуху. От острой боли и горькой обиды Андрюша орёт ещё громче, пробует слезть со стула, дабы улизнуть.

Однако старуха оказывается шустрей. И, быстро разгадав его избитый – уже бессчётное количество раз использованный – «военный» манёвр, сразу же принимает ответные меры для пресечения каких-либо действий и порывов к побегу. Её тяжелая рука, закаленная постоянным физическим трудом, намертво прижимает мальчугана к табуретке.

– Будешь есть? – ехидно прищурившись, шипит бабуля ему в ухо. И ребёнок понимает: если и дальше будет упрямиться, – каша окажется у него на голове.

– Буду, – пищит малыш, словно маленький птенчик, и покорно разевает ротик, пытаясь заглотнуть уже холодную и оттого ещё более противную кашу.

Горько-солёные крупные капли капая в тарелку. Нос покраснел и распух. Андрюша добросовестно хочет проглотить мерзкое месиво. Но все его попытки напрасны. Каша комком застревает в горле – ни туда и ни сюда. Малыш давится, и содержимое рта радостно выпрыгивает из надоевшего убежища, как маленький лягушонок, плюхаясь ему на штаны.

– Как ты ешь? – свирепеет бабка. Выхватывает из его вспотевших от напряжения, липких, перепачканных рученок ложку. Зачерпывает манную гадость с горкой. И, проворно схватив ребёнка за волосы, с силой засовывает эту дрянь ему в рот. От боли, обиды, ощущения своего бессилия малыш почти теряет сознание: не может дышать, – и всю ненавистную кашу, чуть было не отправившую его на тот свет, с силой выплёвывает на мучительницу. Освободившись от противного месива, он с облегчением вздыхает. Однако старуха не намерена уступать, и экзекуция неминуемо бы продолжилась... Но, к радости ребёнка, этого не происходит.

Па – Па

От наказания Андрюшу спас неожиданный стук в дверь. Разгневанная бабка, готовая вот-вот броситься на внука, останавливается в растерянности. Придя в себя, быстро хватается за полотенце и стряхивает с подола манную кашу.

Дверь открывается и в комнату входит незнакомый мальшу мужчина с двумя большими чемоданами. Невысокого роста, в красивом коричневом костюме он источает запах дорогого парфюма. Незнакомец ставит на пороге свой багаж и, широко улыбаясь, произносит:

– Ну, здравствуйте, дорогие мои! – Мальчик сидит и думает: «Почему этот дядька пришёл к нам да ещё дорогими нас называет? Я-то его не знаю».

Но что это происходит с бабой Шурой?! Она замирает на месте, как вкопанная... Очнувшись, с радостным криком бросается к этому человеку.

– Славочка! Сынок мой, родненький! – басит она, обнимая дядьку.

– Мама! – восклицает он. – Как вы тут поживаете?

– Да вот так и живём, – растерянно отвечает бабка и отходит в сторону, чтобы мужчина смог увидеть малыша.

– Андрюша, мальчик мой! – радостно произносит незнакомец, заливисто смеясь. Пригладевшись, удивлённо спрашивает:

– Что это с ним?

– Так он кушает, Славочка, – тонким заискивающим голоском оправдывается баба. – Совсем не умеет есть. Малой ещё, не расторопный.

– Ах, пачкун, ты, пачкун! – смеётся дядька. – Ну иди сюда поближе, Андрюша. Дай, хоть посмотри на тебя. – Баба Шура настойчиво подталкивает внучонка к гостю.

– Ну иди. Чего упёрся? Аль боишься? – ласково басит она. – Это ведь твой папа.

– Па-па. – повторяет малыш машинально за бабкой и бочком продвигается к незнакомцу. Мужчина хватается за его охапку, поднимает на руки и крепко прижимает к себе.

– Папа, – говорит мальчик ещё раз, вслушиваясь в незнакомые звуки нового для него слова, а сам всё думает про себя: «Кто же этот дядька, который так крепко меня обнимает?»

– Он узнал меня, – гордо восклицает мужчина и целует ребёнка в щёку.

Подарки

Незнакомец уходит в комнату, и вместе с ним исчезают с поля зрения мальчика таинственные, так манящие к себе, его чемоданы.

Лишь за мужчиной закрывается дверь, как к малышу подскакивает бабка и, крепко схватив его за ухо, шипит:

– Только попробуй – пожалься. Ухо откручу. – «На что жаловаться? – Андрюша искренне не понимает. Такие приемы еды – для него обычное дело. Но чтобы успокоить бабушку, обещает, что жаловаться не будет.

– Молодец! – бурчит бабуля и даёт гостинец – завалявшуюся в кармане фартука карамельку.

Из комнаты выходит дядька. Он переоделся и сейчас на нём синяя безрукавка и трико. Мальчик раньше не видел этих вещей: выходит мужчина привёз их с собой. В руках незнакомца большой пакет. Подойдя к столу, он торжественно произносит:

– Ну, вот вам и подарочки! – с этими словами мужчина демонстративно достаёт свёрток, разворачивает его и вынимает большой цветастый платок.

– Мама, это тебе. Носи на здоровье. И вот ещё тапочки. – Вытаскивает два смешных мохнатых предмета, похожих на маленьких пушистых зверьков. – Это из оленей шкуры. Они очень тёплые, держи.

– Спасибо, Славик! – Засияв от удовольствия, бабушка целует дядьку в щёку.

– А это тебе, Андрюша! – Из пакета появляется большая яркая коробка, из которой выглядывает пакет, а в нём оказывается автомобиль.

Что за чудо?! Никогда у ребёнка не было ничего подобного. Да и у мальчишек на улице он такого красавца не видел. Завороженный, малыш смотрит на машину, не в силах оторвать взгляда. Никак не может поверить, что это теперь его вещь.

Цирк

На следующий день отец везёт Андрюшу в город. До этого малышу никогда не приходилось так далеко уезжать от дома: полуслепая бабка сама никуда не выбиралась и внучка от себя не отпускала. Так что для мальчика это был первый выезд – знакомство с Гомелем.

Удобно усевшись на папиных коленях в салоне троллейбуса, он с интересом посматривает в окошко. Перед глазами мелькают картинки: люди, деревья, дома... Мчатся автомобили, автобусы...

– Ты в цирке был? – вдруг спрашивает у него отец.

– Н-е, н-е б-ы-л, – растягивая слова, отвечает малыш.

– Сегодня побываешь. – Мальчуган слышал о цирке. Дети на улице с восторгом рассказывали о весёлых представлениях в большом круглом здании: смешных клоунах; людях, ходящих по проволоке; силачах, что играючи гнут руками железные подковы. Рассказы – рассказы, а вот посмотреть бы на это самому! Хотя бы одним глазком взглянуть на эти чудеса было давней его мечтой. Мальчик сразу же проникся симпатией к человеку, который называл себя его отцом.

Цирк оказывается гораздо больше, чем Андрюша себе представлял. Задрав голову, он с восхищением разглядывает огромное здание с закруглённой крышей, рассматривает пестреющие кругом афиши, зазывающие посетителей:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.